

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82.091

Э.М. Жиликова

РОМАН В ПИСЬМАХ И ПИСЬМО В РОМАНЕ («ГАЙ МЭННЕРИНГ, ИЛИ АСТРОЛОГ» В. СКОТТА – «РОМАН В ПИСЬМАХ» А.С. ПУШКИНА)

На основе сравнительно-типологического анализа романа В. Скотта «Гай Мэннеринг, или Астролог» и «Романа в письмах» А.С. Пушкина в статье рассматриваются вопросы о характере освоения английским и русским писателями традиции сентиментального эпистолярного романа (Ричардсона) и роли В. Скотта в процессе становления пушкинского реалистического романа в прозе.

Ключевые слова: англо-русские литературные связи, эпистолярный, письмо в структуре романа, драматизация прозы, психологический анализ, традиции сентиментализма.

Эпистолярная форма пушкинского «Романа в письмах» (1829, опубликован в 1857) рассматривается исследователями в большом контексте русской и европейской литературы. Список произведений, попавших в круг внимания Пушкина, открывается «Клариссой» (1748) Ричардсона и «Юлией, или Новой Элоизой» (1761) Ж.-Ж. Руссо, включает романы Гете, Констана, Мюссе, Стендаля и других авторов [1–4]. В ряду этих бесспорно важных для понимания развития пушкинской прозы имен следует определить место В. Скотта, и в частности его романа «Гай Мэннеринг, или Астролог» («Gay Mannering, or The astrologer», 1815), перевод которого был напечатан в России в 1824 г. [5. С. 35]. Включение «Гая Мэннеринга» в контекст изучения эпистолярного романа Пушкина приобретает особую значимость в связи с тем, что к этому вальтер-скоттовскому роману во второй половине 1840-х гг., при создании «Неточки Незвановой» (1848), обратился Достоевский [6], независимо от «Романа в письмах», с которым он мог познакомиться не ранее 1857 г. В основе творческого притяжения двух русских писателей к одному из известных и популярных в России романов В. Скотта лежат факты глубокого созвучия в нравственно-философских и эстетических взглядах писателей.

При сравнении «Гая Мэннеринга, или Астролога» В. Скотта и «Романа в письмах» А.С. Пушкина можно отметить определенные моменты «схождения» в содержании нравственно-философской проблематики и поэтики, в частности в характере осмысления сентиментальной традиции.

Ф.Д. Батюшков в статье 1917 г. «Ричардсон, Пушкин и Лев Толстой (К эволюции семейного романа: от «Клариссы Харлоу» к «Анне Карениной)» указывает на факт «сильнейшего впечатления, произведенного на Пушкина Ричардсоном» [7. С. 12]: «Он задумал свой «роман в письмах» по его образцу в подражание Ричардсону, сказали бы мы, если бы Пушкин мог только подражать. Рамки сюжета и сама фабула во всяком случае – буквальный сколок с Ричардсона» [7. С. 13].

Обращение Ричардсона к эпистолярному жанру и следование Пушкина этой традиции исследователь объясняет значимостью нравственного пафоса семейного романа Ричардсона и эстетической установкой на изображение внутренней жизни частных людей: «А чтобы не заподозрили автора в пристрастном изложении, Ричардсон решил совсем стушеваться, скрыться за своими персонажами, предоставив им самим слово, и выбрал самую интимную форму выражения – переписку между близкими людьми. Роман в письмах – и в этой форме Ричардсон выступил новатором, и вскоре после него весь XVIII век вылился в той же форме писем и дневников, прием, удержавшийся в отдельных случаях и в XIX столетии: все эти произведения прямо или косвенно восходят к Ричардсону» [7. С. 2]. В ряду писателей XIX столетия, ориентированных на сентиментальные традиции, усвоивших и трансформировавших их, был В. Скотт.

I

В романе «Гай Мэннеринг», события которого происходят в Англии и Шотландии во второй половине XVIII в., В. Скотт вводит повествовательную структуру 20 писем, образующих пять эпистолярных линий. Переписываются (1) полковник Мэннеринг и его друг, эсквайр Артур Мервин, в доме которого некоторое время после возвращения из Индии и кратковременного обучения в одном из лучших пансионеров Англии жила дочь полковника, Джулия; (2) Джулия из провинции пишет своей подруге Матильде Марчмонт, живу-

щей в столице; (3) переписываются Джулия и ее возлюбленный Браун; (4) Браун и друг его, художник Данди Делассер; (5) письмами обмениваются мошенник Гилберт Глоссен, главный виновник бед семейства Бертрамов, и Роберт Хейзвуд, глава известного рода. Упоминается о «холодном и неутешительном» письме старой мисс Бертрам, скупой родственницы Люси.

В отличие от Ричардсона, в романе которого письма отягощены грузом чисто эпических описаний происходящего¹, введение писем в роман В. Скотта обусловлено в первую очередь стремлением подчеркнуть драматический характер изображаемого. Так, самые острые сюжетные события (за исключением относящегося к предыстории похищения контрабандистами трехлетнего Брауна Бертрама), а именно нападение бандитов на дом Мэннеринга; внезапное появление Брауна, считавшегося погибшим; роковая встреча в лесу, нечаянный выстрел, ранение молодого Хейзвуда и вынужденное бегство Брауна, – все это рассказано не повествователем, занимающим позицию наблюдателя, а взволнованно передано героями в форме писем. Через восприятие героев читателю открывается духовная жизнь шотландского дворянства и обитателей пограничного края в эпоху второй половины XVIII в., их быт, нравы.

На значение жанра писем в романе как способа психологического анализа указывает сам автор, предпосылая обращение к читателю перед очередным посланием Джулии к подруге: «Нам надо будет привести еще несколько отрывков из писем мисс Мэннеринг, в которых видны ее природные задатки и, наряду с ними, чувства и взгляды, привитые ей с детства очень далеким от совершенства воспитанием» [8. С. 155]. В «предуведомлении» лаконично сформулирована вальтер-скоттовская концепция личности, суть которой состоит в просветительском доверии к природе человека и в понимании закономерности ее развития (в данном случае речь идет о воспитании). Но в этом же «предуведомлении» запечатлен растущий

¹ Ф.Д. Батюшков указывает на «издержки» эпистолярной формы в романах Ричардсона: «<...> Форма представляет и большие неудобства, тормозя изложение, принуждая автора, для прояснения разных эпизодов романа, заставлять пишущих вкладывать в свои письма отрывки чужих писем, сообщать свои ответы и т.д. Изложение расплывалось, отзывалось не раз искусственностью; более 500 писем потребовалось для изложения одной семейной истории; никакой экономии в обрисовке характеров и положений; частые и неизбежные повторения; неинтересные и монотонные вступления и окончания <...>» [7. С. 3].

интерес писателя к изображению духовного мира конкретного индивидуального человека. Важным оказывается сам процесс переживания, осмысления жизни героем. Как пишет Б.М. Проскурнин, «в 1820-е годы В. Скотт выходит на уровень изучения исторического процесса *через* героя, не столько в его историографическом, сколько в живом, непосредственном протекании» [9. С. 31]. Предметом пристального внимания автора становятся психология героев, их мысли и чувства, в совокупности дающие представление о духовном состоянии общества: с одной стороны, укорененность нравственных норм и законов, по которым жило не одно поколение, а с другой – состояние внутренней напряженности героев, ощущение неуверенности, тревожности в ожидании перемен.

Сквозная тема, определяющая содержание нравственного конфликта романа, – социальное неравенство, вызванное экономическими и социальными процессами, охватившими Англию и Шотландию: расслоение дворянства, разорение аристократических фамилий и восхождение вверх «торговцев», чиновников. Неравенство, порожденное разорением, упадком хозяйства или другими трагическими обстоятельствами, становится преградой на пути счастья двух влюбленных пар: аристократки Джулии и Брауна, воспитанного «торговцами»; а также оставшейся без наследства Люси Бертрам, девушки из знаменитого рода Элленгауэнов, и сына богатого, именитого дворянина Чайлза Хейзлвуда.

Письма Джулии пронизаны горькими рассуждениями героини по поводу невозможности счастливого брака из-за аристократических пристрастий ее отца, полковника Мэннеринга, человека благородного и великодушного, но непреклонного в своих заблуждениях. В. Скотт дробит письма Джулии на «отрывки», создавая цикл из «отрывков», который прерывистым, убыстренным ритмом передает напряженность переживания и заставляет читателя сосредоточиться на вопросах, связанных с событиями душевной жизни. Так, в «первом отрывке» определяется главный предмет переживаний Джулии – аристократический снобизм отца, который вызывает в дочери сложные чувства: «<...> Я даже не знаю, чего больше в моем чувстве к нему – любви, восхищения или страха. Его подвиги на войне, его успехи в жизни, его привычка энергией преодолевать любое, даже, казалось бы, непреодолимое препятствие сделали его человеком решительным и властным; он не терпит, чтобы ему перечили, и

не прощает людям даже малейшей оплошности» [8. С. 149]. В «седьмом отрывке» Джулия расшифровывает природу отцовской нетерпимости в отношении к Брауну: «Вообрази теперь, в какое негодование придет отец, который презирает всякую торговлю вообще <...> и питает особую неприязнь к голландцам, – подумай только, как он отнесется к претенденту на руку его единственной дочери, Ванбесту Брауну, воспитанному из милости владельцами торгового дома «Ванбест и Ванбрюген» [8. С. 159].

Однако и душевное состояние полковника Мэннеринга далеко от покоя. В письмах к другу, проживающему в пограничном краю, полковник открывает тайну своих страданий, связанных с гибелью по его вине (как он полагает) молодого человека. Таким образом, для всего романа характерна атмосфера душевной неуспокоенности, любовной тревоги, мучительной тайны.

Связь В. Скотта с сентиментальной традицией обнаруживается в сфере создания идеальных образов, прежде всего женских, воплощающих представление автора о нравственном совершенстве. На поэтику парного портрета в «Клариссе» Ричардсона указывает Ф.Д. Батюшков: «Кларисса и ее подруга, мисс Анна Хоу, – великолепно очерченные женские характеры, основа которых сводится к тому, что впоследствии, и именно Жан Жаком Руссо, находившимся под сильным обаянием Ричардсона, было названо свойствами «прекрасной души» – *une belle âme*. Такая же *Schöneseeligkeit* – стала идеалом Шиллера. Черты характера правдивы и правдоподобны, каждая порознь, но совокупность их создает тот идеальный характер, который подобен совершенству красоты в величайших созданиях мадонны гениями живописи» [7. С. 8].

Связь этики и эстетики В. Скотта с Ричардсоном в создании женских образов пронизательно отметил Бальзак: «Вальтер Скотт не ведает страстей, или, быть может, эта область была для него запретной вследствие лицемерных нравов его страны. Для него женщина – олицетворенный долг. За очень немногими исключениями, героини у него совершенно на одно лицо, для них у него общий шаблон. Все они происходят от Клариссы Гарлоу» [10. С. 427–428].

В. Скотт создает образы двух героинь, резко отличных по положению в обществе, по внешности, темпераменту, поведению, но равно привлекательных и составляющих в единстве авторское представление о прекрасном.

Джулия – аристократка, живая, своевольная красавица, рано потерявшая мать. О ее внешности в романе сказано: «<...> Девушка среднего роста, а может быть, даже чуть ниже, но прекрасно сложенная; глубокие темные глаза и длинные черные волосы шли очень к ее живым и выразительным чертам. На лице ее можно было прочесть и гордость, и заносчивость, какую-то легкую иронию, и прежде всего лукавство» [8. С. 170].

В отличие от жизнерадостной и энергичной Джулии Люси «была похожа на Сильфиду» [8. С. 120)]. По словам полковника Мэннеринга, оказавшего ей покровительство, пригласив жить в свой дом, Люси «прошла тяжелую школу несчастья» [8. С. 162]. Ее поведение, «поступки отличаются не только робостью», но и чувством достоинства, «благоразумием и рассудительностью» [8. С. 165]. В письме к Матильде Джулия говорит об отсутствии в поведении Люси ложной экзальтации: «Конечно, это очень ласковая и очень добрая девушка; и, если бы со мной случилось истинное несчастье, она одна из тех, к которым я легко и просто обратилась бы за утешением. <...> Если бы я слегла в лихорадке, она просиживала бы ночи, ухаживая за мной самоотверженно и терпеливо, но тот жар, которым охвачено мое сердце, оставляет ее равнодушной <...>» [8. С. 237].

В. Скотт ставит Джулию и Люси в одинаковое положение в ситуации на rendez-vous и показывает различие в их поведении. Типологически оба образа восходят к европейской сентиментальной традиции, но в разных его изводах. Не случайно дочь полковника Мэннеринга носит имя Джулия. Подобно Юлии Жан-Жака Руссо, она бурно и страстно выражает свои чувства к Брауну – вальтер-скоттовскому Сен-Пре. Иное поведение Люси, образ которой восходит к Клариссе Ричардсона: тихость, нравственная стойкость, достоинство, проявляемые в самых драматических обстоятельствах. Объективность художественной манеры В. Скотта при создании образов двух героинь проявляется в постоянном стремлении писателя к ценностному уравниванию противоположностей. Одна из ведущих тем романа – оппозиция столицы и провинции, представленной северными районами Англии и Шотландией. Джулия, выросшая в Индии, оказалась равнодушной к романтической экзотике. Она иронизирует над неумеренными восторгами своей столичной подруги и по контрасту с ее вкусами утверждает идеал простой и естественной жизни: «Тебе не давали покоя легенды о рыцарях, карликах, велика-

нах, красавицах, попавших в беду, о прорицателях, привидениях, призраках, о чьих-то руках, обогранных кровью, в то время как меня привлекали разные положения семейной жизни. Тебе жизнь представлялась огромным океаном, с его мертвой тишиной и с ревом бурь, с его вихрями, высокими волнами, а я... я мечтала плавать по какому-нибудь озеру или тихому заливу» [8. С. 242]. И напротив, когда Джулия пишет о пограничном крае, северной Англии, то не может скрыть воодушевления: «Если Индия – страна чудес, то здешние края – страна романтики. Такие красоты создаются природою только в минуты высочайшего вдохновения: ревущие водопады, обнаженные вершины гор среди голубого неба, причудливо разлившиеся в долинах тенистые озера» [8. С. 151].

Параллельное развитие двух сюжетных линий, связанных с героинями, отличными одна от другой и одновременно похожими, позволило В. Скотту, драматизируя роман, сохранять эпическое равновесие, основанное на оптимистической концепции прогресса и вере в торжество сил добра. К финалу романа В. Скотт снимает, казалось бы, непреодолимое препятствие на пути к счастью героев – их неравенство в социальном положении. Выясняется, что Браун – тот самый похищенный в детстве брат Люси Бертрам из рода Элленгауэнов; усилиями полковника Мэннеринга и адвоката Плейдела наказан злодей Глоссин, а Люси и ее брат получают право на наследство. Однако *happy end* не отменяет и не умаляет драматической напряженности развития всего романа, потребовавшей такой художественной структуры, в которой эпическая масштабность изображаемого сочеталась бы с эпистолярной формой исповеди о глубоких переживаниях героев.

II

Став продолжателем ричардсоновских традиций, творчески переосмысляя их, В. Скотт оказался непосредственным предшественником Пушкина при создании «Романа в письмах» в содержании нравственно-философской проблематики, в типологии женских характеров, в особенностях психологического анализа и в обращении к эпистолярной форме.

Осенью 1829 г. Пушкин пишет «Роман в письмах», разрабатывая в прозе эпистолярный жанр. Л.И. Вольперг, всесторонне исследо-

вавшая типологические связи «Романа в письмах» с европейской прозой, называет в ряду произведений, отмеченных вниманием Пушкина, «Клариссу» (1747–1748) Ричардсона, «Опасные связи» (1782) Лакло, «Дельфину» (1803) и «Коринну» (1807) Мадам де Сталь и «Арманс» (1826) Стендаля. Важную роль В. Скотта в становлении ранней прозы как Стендаля, так и Пушкина Л.И. Вольперт связывает с историзмом и объективностью художественного мышления «шотландского чародея». Что же касается вопроса особенностей психологического анализа и характера постановки нравственно-философских проблем, то исследователь, вслед за французскими писателями, Стендалем и Бальзаком, полагает, что «постижение художником тайников души современного человека <...> не составляло сильную сторону таланта Вальтера Скотта» [4. С. 246].

При решении вопроса о типе психологического анализа В. Скотта и отношения к нему Пушкина следует учитывать два момента. Вклад В. Скотта в историю развития европейского романа XIX в. связан, во-первых, с художественным воплощением идеи исторической обусловленности характера и введением в качестве предмета осмысления и изображения обыкновенного героя и «домашних» обстоятельств. Психологический аспект заключался в выявлении различных сторон характера, в объяснении сложного и порой противоречивого мира героя [11]. Это открывало перспективу развития реалистического социально-психологического европейского романа.

Проблема изображения жизни страстей, сам процесс протекания переживаний, в отсутствии внимания к которому В. Скотта упрекал Стендаль, занимали в романах писателя второстепенное место в силу ряда обстоятельств. Одной из причин было мощное просветительское начало его нравственно-философского представления о человеке, которое ориентировало писателя на героя деятельного, а не рефлексивного типа. Современник Байрона, В. Скотт прошел как бы мимо «английского сплина», этого процесса саморазрушительной рефлексии. В. Скотту важно было выявить особенности духовной жизни человека и объяснить их историей. Однако масштабные события наполеоновской и постнаполеоновской эпохи, выдвинувшие на первый план проблему самой личности как исторической составляющей, и эволюция художественного сознания В. Скотта актуализировали проблему исследования и воссоздания духовной, внутренней жизни как процесса исторически значимого. И принци-

пиальным оказалось то, что В. Скотт этот анализ, уступающий по масштабности и искусству воссоздания процесса протекания чувства французским представителям «неистового» романтизма и раннего реализма, осуществлял в своих романах на обыкновенном материале, т.е. давал образцы сопряжения «исторического» и «частного» в его повседневном проявлении. Поэтому открытия писателя в этой области вызвали самый пристальный интерес со стороны русских писателей.

Важное значение для эстетики и поэтики В. Скотта имели традиции сентиментальной литературы, обладавшей опытом изображения мира природы и тонкой душевной жизни обыкновенного человека.

Сравнительный анализ «Романа в письмах» и «Гая Мэннеринга, или Астролога» в контексте внимания Пушкина к «Клариссе» Ричардсона осенью 1829 г. позволяет обнаружить важные типологические связи прозы В. Скотта и Пушкина, в том числе и в отношении к сентиментальной литературе.

В личной переписке Пушкина этой поры (1828–1830) и в художественных произведениях («Роман в письмах», «Участь моя решена...») явственно виден след чтения и интереса к английской литературе, в частности к «Клариссе» Ричардсона. В письме к А.Н. Вульфу из Малинников в Петербург от 16 октября 1829 г. Пушкин называет друга «любезным Ловласом Николаевичем», легко вводя в письмо игровую интонацию, сближающую жизнь и роман: «Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! то-то побесили б мы баронов и простых дворян! по крайней мере честь имею представить вам подробный отчет о делах наших и чужих» [12. Т. 9. С. 278]. В том же озорном тоне сообщается, что «поповна (ваша Кларисса) в Твери» [Там же. С. 279]; Клариссой называется Е.Е. Смирнова, отвергнутая А.Н. Вульфom девушка. Л.И. Вольперт и другие исследователи указывают на то, что «всеобщая увлеченность перепиской», «мастерство, с которым писались письма», «игра страстей», «точек зрения», «жизненных позиций», «отличное знание беллетристики и особенно эпистолярного романа, весь этот быт, окрашенный литературой, стал той питательной средой, в которой зародился замысел «Романа в письмах» [4. С. 50]. В данном случае чрезвычайно важно отметить не только это «бытового поведения», которое, по определению. Ю.М. Лотмана, «идет

впереди творчества, указывая ему пути» [13. С. 119], но выявить и понять логику внутренних связей отдельных произведений и их авторов в творческом сознании Пушкина.

Так, разговор о «Клариссе» Ричардсона поднимается в «Романе в письмах» дважды – и каждый раз он окрашен смешанным чувством иронии и симпатии Лизы. Дважды Лиза сообщает Саше в Петербург, что, поселившись в селе Павловском, она много читает, в частности, в шкапу своей новой приятельницы, семнадцатилетней меланхолически настроенной девушки, она нашла «хваленую Клариссу» и, благословясь, принялась за чтение. Роман показался Лизе утомительно длинным: «Скучно, мочи нет». Однако чтение «Клариссы» навело Лизу на глубокие раздумья о природе чувств, которые во все времена сохраняются в женской натуре: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Что есть общего между Ловеласом и Адольфом? Между тем роль женщины не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, все ж походит на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах они основаны на чувстве и природе, которые вечны» [12. Т. 8,1. С. 47–48]. Лиза имеет в виду чувствительность, сердечность и благородство сентиментальной Клариссы, видя в них проявление естественного, присущего натуре человека нравственного начала. В ответ на письмо Лизы Саша отвечает, упоминая как бы между прочим имя В. Скотта: «Благодарю тебя, душа моя, за отчет о Ричардсоне. Теперь я имею об нем понятие. Прочитать его не надеюсь – с моим нетерпением; я и в В<альтер> Ск<отте> нахожу лишние страницы» [Там же. С. 49].

Введение имени В. Скотта в рассуждение о Ричардсоне представляется важным моментом, свидетельствующим об отношении к нему Пушкина. Во-первых, рядом поставлены имена двух романистов, что само по себе наводит на мысль о типологической общности двух английских авторов. Характерно, что Саша не откликается на упоминание о романе Константа «Адольф», тем самым как бы выделяя только родственные произведения, отмеченные одной (сентиментальной) поэтикой. Во-вторых, определено место В. Скотта как бесспорного авторитета. В-третьих, критическое замечание о растянутости романов В. Скотта проявляет характер художественно-

эстетической позиции Пушкина в его поисках сжатой, динамичной формы повествования.

Разговор о литературе получает завершение в письме «5. Лиза – Саше»¹. В этом послании на первый план выходит проблема характера и его развития. В рассуждениях Лизы раскрывается логика единства этических представлений человека и эстетических принципов изображения его в художественном произведении. Критерием нравственной ценности человека, как и в предыдущих письмах, выступает чувство, или, словами Лизы, «душа свежая, чувствительная», присутствие которой Лиза отмечает как в героях старинных романов, так и в своем избраннике Владимире^{**}: «Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м². Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» [12. Т. VIII, 1. С. 49–50].

Наблюдения и выводы о вечной во все времена природе врожденного нравственного чувства становятся этическим и философским обоснованием для совета, а по сути эстетической программы, которую Лиза рекомендует «неблагодарному Р*»): творчески освоить

¹ Заметим, что в романе «Гай Мэннеринг» «отрывки» писем Джулии к Матильде Марчмонт имеют нумерацию: «первый отрывок», «второй отрывок» и т.д.

² Дата 775 (1775) г., возможно, связана не только со временем «писания» обсуждаемого Лизой произведения, а непосредственно с описываемыми событиями в «Гае Мэннеринге». В романе В. Скотта изображаются события, происходящие во второй половине XVIII в. В родословной Бертрамов-Элленгауэров упоминается 1715 г. – время, когда дед Люси Бертрам Льюис принимал участие в восстании, возглавляемом лордом Кенмором, против первого короля из Ганноверской династии Георга I. К моменту начала действий в романе выросло два поколения. Из современных событий называется «проклятая американская война» (1775–1783), «из-за которой ни у кого нет денег» (II. 116). На дату 1775 г. как время действия в романе указывает и сообщение о рекомендательных письмах, полученных полковником Мэннерингом от адвоката Плейдела к «литературным знаменитостям Шотландии»: [Дэвиду] Юму, эсквайру (1711–1776), Джону Хому, эсквайру (1722–1808), доктору [Адаму] Фергюсону (1723–1816), доктору Блэку (1728–1799), лорду Кеймсу (1696–1782), мистеру Хаттону (1726–1797), Джону Кларку, эсквайру эддинскому (1728–1812), доктору Робертсону (1726–1793). «Дома их всегда были открыты людям образованным и умным <...> вряд ли еще где-нибудь можно было сыскать столько разнообразных и глубоких дарований, как в Шотландии того времени» (II. 335). Даты начала «американской войны» (1775) и смерти Дэвида Юма (заболел в 1775 г., умер в августе 1776 г.) позволяют определить время действия в романе «Гай Мэннеринг, или Астролог» как 1775 г.

традиции старого романа (в том числе Ричардсона и его продолжателей). «Умный человек, – пишет Лиза, – мог бы взять готовый план, готовые характеры, выправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрасный оригинальный роман. – Скажи это от меня моему неблагодарному Р*. Полно ему тратить ум в разговорах с англичанками! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых так хорошо знает» [12. Т. 8,1. С. 50]. В игровой манере («неблагодарный Р*» – это сам Пушкин) автор дает читателю подсказку и знающим его намек на события личной жизни, так как не случайно упоминание об англичанках, связанное с романом В. Скотта «Сен-Ронанские воды» и жизненными обстоятельствами [14. С. 114–118; 15].

«Старой канвой» для «новых узоров» мог послужить роман В. Скотта «Гай Мэннеринг, или Астролог». Пушкин мог прочесть его в оригинале (1815), во французском или русском (1824) переводах. На близость двух романов указывает целый ряд фактов, говорящих при этом о творческой новизне пушкинского восприятия.

Драматическим узлом в романе Пушкина, как и в вальтер-скоттовском, оказалась *проблема неравенства*, включающая в себя различные аспекты социальных, нравственных и психологических отношений. Позиция В. Скотта в понимании процессов развития английского общества второй половины XVIII в. во многом совпадает с пушкинской оценкой положения в России в первой половине XIX в. Разрушение старых общественных отношений, расслоение внутри дворянства, появление новых «аристократов» из купеческой и чиновничьей среды, тяжелое положение крестьянства – все это усложняло духовную жизнь человека, создавая почву для «неравных» браков, обостряло чувство оскорбленной чести за попорченную родословную. Однако в романе Пушкина, в отличие от В. Скотта, острота конфликта из-за неравенства не только не снимается, как это сделано авторской волей с помощью *happy end* в «Гае Мэннеринге», а напротив, она усилена, что проявилось в выборе типа главной героини и разработке ее характера.

Пушкин выводит в своем романе двух героинь – Лизу и Сашу, обменивающихся письмами. Положение Лизы, центральной героини пушкинского романа, оказывается соотносимым с положением Джулии, но еще более – с ситуацией Люси. Об остроте поставлен-

ной проблемы (социального неравенства) у Пушкина свидетельствует тот факт, что он делает главной героиней романа Лизу более похожей не на Джулию (автору большинства писем в романе В. Скотта), а на Люси, бесприданницу из старинного дворянского рода. В ее судьбе имущественное неравенство оказалось решающим. Душевные страдания восторженной Джулии в романе В. Скотта связаны с невозможностью выйти замуж за Брауна, который считается воспитанником торговцев. Однако в одном из писем к подруге Джулия признается, что, «хоть это, может быть, и глупо, тоже ведь едва ли не разделяю его (отца. – Э.Ж.) аристократических чувств» [8. С. 158].

Люси же Бертрам, принятая в дом полковника Мэннеринга из сострадания, тоже аристократка, из рода баронетов Элленгауэнов, возведенных в рыцарство во времена Карла I. Но Элленгауэны разорились, родовой замок попал в руки нечестного Глоссина, родственники отвернулись – и Люси, подобно Клариссе Ричардсона, оскорбленная несчастьями, но гордая и рассудительная девушка, отклоняет все знаки внимания со стороны любящего ее богатого Хейзлвуда. Об этой жизненной ситуации сообщает Джулия в письме подруге в дружески-разговорной манере – с юмором, сочувствием, симпатией, напоминающей стилистику писем героев Пушкина. Джулия пишет о Люси: «Но самое забавное, что при всем том у этой тихони есть свой поклонник и что в их чувствах друг к другу (а я думаю, что влюблены они оба) немало самой увлекательной романтики. Как ты, вероятно, знаешь, она была богатой наследницей, но расточительность ее отца и подлость негодяя, которому он доверился, их разорили. И вот некий юный красавец из местных дворян влюбился в нее; но так как он из очень богатой семьи, она не поощряет его ухаживания, считая, что теперь она ему не пара» [8. С. 237]. В «Романе в письмах» психология Лизы предстает более драматичной, в сравнении с «плутовкой» Люси: в ее переживаниях находит место неизвестная героиням В. Скотта амбициозность, идущая от недоверия к герою и боязни стать предметом обсуждения в свете.

Одним из способов характеристики героинь становится окружающий их «интерьер» – город и деревня. *Оппозиция столицы и провинции* зафиксирована организацией хронотопа: письма пишутся из деревни в Петербург, из северной Англии и Шотландии в столицу. Картины провинциальной жизни включают в себя характеристи-

ку мироощущения героев, переживаний. Джулия рассказывает подруге о занятиях, об изучении Люси французского и итальянского языка. Лиза в письме к Саше сообщает о своей деревенской жизни: «Вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обоим журналам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень: они их истинная публика» [12. Т. 8,1. С. 50].

Важным способом характеристики героинь являются описания природы. Пушкин и В. Скотт едины в своем пристрастии к неяркой красоте северного края. Так, эпиграфом к девятой главе романа «Гай Маннеринг» поставлены стихи Р. Бернса:

Шотландия, с чертополохом,
С ее печалью, с тяжким вздохом...
Акцизный буйствует за кружкой;
Его сапог
Крушит что хочет, как ракушку,
Как черепок [8. С. 85].

Однако В. Скотт в стремлении поэтизировать красоту родного края по-романтически наделяет ее печатью необычности, таинственности. Именно так воспринимает ночную природу и повествователь, и герой романа: «Вдалеке, при рассеянном свете тусклой луны, которую то и дело заволакивали облака, сталкивались, гроздзились друг на друга и катились вперед огромные волны океана. «Какое дикое и мрачное зрелище, – подумал Бертрам, – совсем как отливы и приливы судьбы <...>» [8. С. 418]. Пушкин в «Романе в письмах» в описаниях природы скуп, он замещает их картинами образа жизни героев: «У нас зима: в деревне с'est un événement. – Это вовсе переменяет образ жизни. Уединенные гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками, – всё делается свежее, веселее от первого снега» [12. Т. 8,1. С. 49]. Письма в романе Пушкина отличаются от вальтер-скоттовских не просто уменьшенным объемом, а концептуально значимой сжатостью, лаконичностью, отказом от романтических преувеличений, от утомительных деталей в описании и сохранением точных подробностей быта, объясняющих душевное состояние героев.

Переключка Пушкина с В. Скоттом в отношении к сентиментальной традиции видна в разработке мотива тайной любви. Сопряженный с мотивом игры, своим постоянным переходом от надежды к отчаянию, от серьезности к улыбке, мотив тайны оттеняет драматические настроения героев и дает смешанные краски в обрисовке характеров.

Поэтика романа В. Скотта, стоявшего в самом начале осмысления европейской литературой трагической противоречивости человека, отмечена строгостью психологического рисунка, отсутствием склонности к аффектации. Тип психологического анализа В. Скотта свидетельствовал об эволюции структуры романа В. Скотта в сторону антропологизации исторического повествования [9. С. 33]. Опыт английского писателя оказался для Пушкина прочным основанием в разработке психологического анализа. «Пушкин, по определению А. Лежнева, показывает не переживание человека, а его поведение. <...> Пушкин первый в русской прозе сделал ударение на характере, на типе. <...> Пушкин не только ввел характер в русскую повесть, но и сделал выявление характера ее основной задачей» [16. С. 293, 294].

Сравнение двух романов в жанровом аспекте показывает, что выбор Пушкиным эпистолярной формы обусловлен вниманием писателя к изображению напряженного духовного состояния героев при внешней почти бессобытийности и простоте сюжета. Можно сказать, что Пушкин строит свой роман на основе драматического по содержанию цикла писем, как если бы письма были «вынуты» из большого романа В. Скотта и, освобожденные от описания целого ряда входящих событий, могли сосредоточить внимание читателя на переживаемой драме страстей. Однако эта сосредоточенность на драме страстей могла стать причиной незавершенности «Романа в письмах». Пушкинское понимание жанра современного романа, во многом выросшее на опыте освоения В. Скотта, требовало органического синтеза: драматическое должно было стать внутренним качеством всего эпического произведения. Форма письма, несущая драматический потенциал, требовала эпического завершения. В романе В. Скотта это завершение было: драмы, переживаемые героями, не разрушают эпоса жизни, они наполняют его новыми смыслами, ускоряют развитие, свидетельствуют о мучительных, но неизбежных и необходимых переменах. Письмо, будучи органической

частью романа В. Скотта, сохраняет и несет в себе память большого эпического жанра, т.е. выражает авторскую идею, состоящую в понимании духовного кризиса не только как разочарования, но и как прорыва, движения к новому. Таким образом, эпический элемент в письмах, богатство событий, деталей наполняют исповеди героев прозой, которая оказывается средой, рождающей драму и объясняющей ее.

Пушкинское понимание истории, питавшееся наблюдениями над русской жизнью и заключавшее в себе концепцию прогресса, не могло ограничиться только процессами, происходящими внутри дворянского мира. Эпическое завершение требовало иного уровня сознания, представляющего точку зрения демократического большинства. Следующим шагом было создание «Повестей Белкина», где драматическое и эпическое предстали как органическая художественная целостность. И здесь особая роль принадлежала В. Скотту: «Повести Белкина» не просто наполнены реминисценциями из В. Скотта [17, 18], Пушкин опирался на опыт английского писателя в способе организации повествования от лица вымышленного рассказчика [19, 20], за которым стояла демократическая Россия: «Массовый человек, представленный миллионами, стал у Пушкина и темой и авторской позицией» [21. С. 242–243].

Таким образом, пафос исторического оптимизма и этического должностования, усвоенный В. Скоттом от эпохи Просвещения и сентименталистов, был близок Пушкину, и чрезвычайно важно, что путь его к созданию русского прозаического эпоса проходил через творческое осмысление жанровых модификаций романа В. Скотта.

Литература

1. *Ахматова А.* «Адольф» Констан в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 91–114.
2. *Степанов Н.Л.* Проза Пушкина М., 1962.
3. *Сидяков Л.С.* «Евгений Онегин» и незавершенная проза Пушкина 1828–1836 годов (Характеры и ситуации) // Проблемы пушкиноведения. Л., 1975. С. 30–33.
4. *Вольперт Л.И.* Пушкин и Стендаль // Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. М., 1998. С. 203–320.
5. *Левин Ю.Д.* Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1975. С. 29–67.
6. *Жулякова Э.М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 215–242.

7. Батюшков Ф.Д. Ричардсон, Пушкин и Лев Толстой: (К эволюции семейного романа: от «Клариссы Харлоу» к «Анне Карениной») // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Сент. Ч. 71, отд. 3. С. 1–17.

8. Скотт В. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1997–1999. Т. 2.

9. Проскурнин Б.М. Политика и история в романе Вальтера Скотта (к вопросу о динамике характеров и обстоятельств) // Традиции и взаимодействия в зарубежной литературе XIX–XX веков. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1990. С. 27–39.

10. Бальзак Оноре де. Бальзак об искусстве. М.; Л., 1941.

11. Лазарева Т.Г. «Безумный» рыцарь: психология средневекового человека в романах Вальтера Скотта // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 4(10). С. 105–110.

12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.; Л.: АН СССР. 1937–1959.

13. Лотман Ю.М. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1981.

14. Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 206–209.

15. Аринштейн Л.М. Знакомство Пушкина с «сестрой игрока des eaux de Roman» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1979. С. 109–120.

16. Лезнев А. Проза Пушкина. М., 1937.

17. Якубович Д.П. Реминисценции из Вальтер Скотта в «Повестях Белкина» // Пушкин и его современники. 1928. Вып. 37. С. 100–118.

18. Якубович Д.П. Пушкин и Вальтер Скотт [Докт. дис., машинопись. 2 т. (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 73. Т. 1. Л. 206–230)].

19. Якубович Д.П. Предисловие к Повестям Белкина и повествовательные приемы Вальтера Скотта // Пушкин в мировой литературе: сб. ст. Л.: ГИЗ, 1926. С. 160–187.

20. Якубович Д.П. «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. № 4–5. С. 165–197.

21. Берковский Н.Я. О повестях Белкина (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 242–356.

THE EPISTOLARY NOVEL AND THE LETTER IN THE NOVEL (*GUY MANNERING, OR THE ASTROLOGER* BY W. SCOTT AND *A NOVEL IN LETTERS* BY A.S. PUSHKIN)

Text. Book. Publishing. 2014, no. 1 (5), pp. 42–61.

Zhiliakova Emma M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: Anglo-Russian literary relations, epistolary, letter in novel, dramatization of prose, psychological analysis, tradition of sentimentalism.

On the basis of a comparative typological analysis of the novels *Guy Mannering, or The Astrologer* by Sir Walter Scott and *A Novel in Letters* by A.S. Pushkin the article discusses questions about the nature of the sentimental epistolary novel (Richardson) development by English and Russian writers and the role of Sir Walter Scott in Pushkin's realistic novel in prose.

W. Scott being the successor of the traditions in the development of Richardson sentimental novel in letters by its creative reinterpretation proved an immediate precursor of Pushkin in the creation of *A Novel in Letters*. W. Scott and Pushkin are similar in the de-

velopment of the conflict based on the heroes' social inequality, in the development of the motives of the province and the capital, in the typology of female images, in the nature of psychological analysis. Orientation of the writers on the sentimental tradition is due to the moral, philosophical and aesthetic views, in particular, the Enlightenment concept of the person which predetermined the actualization of the problem of the personality, attention to the inner life of the person. Using the letter – the cycle of letters in Scott's *Guy Mannering* and Pushkin's epistolary novel genre – is dictated by the need to dramatize the epic narrative.

In *Guy Mannering* the events of which occur in England and Scotland in the second half of the 18th century W. Scott introduces the narrative structure of 20 letters forming five epistolary lines. Unlike Richardson, who burdened the letters in his novel with purely epic descriptions of what was happening, Sir Walter Scott uses letters primarily to emphasize the dramatic nature of the situations. The sharpest story events are not told by the narrator who functions as an observer, but by the anxious heroes in their letters. Through their perception the reader sees the spiritual life of the Scottish nobility and the inhabitants of the frontier in the second half of the 18th century, their living, habits. The author himself indicates the value of the letter genre in the novel as a method of psychological analysis in his address to the reader before one of the messages of Julia, the heroine.

W. Scott's and Pushkin's connection with the sentimental tradition is found in the creation of ideal images, especially female ones, expressing the authors' ideas of moral perfection and poetization of the rustic rural life as a sample of life simplicity and naturalness as opposed to the artificial, aristocratic and vain existence in the capital.

The poetics of the novel by Sir Walter Scott, one of the first to understand the tragic contradictions of the person in European literature, has a strict psychological pattern and lacks inclination to affectation. Scott's experience proved to be a solid foundation in the development of psychological analysis for Pushkin. Pushkin's choice of the epistolary form is due to his desire to express the tense spiritual state of the heroes with almost eventless and simple outer plot. Pushkin builds his novel basing on the cycle of letters that has a dramatic content.

However, this focus on the drama of passion could cause the incompleteness of *A Novel in Letters*. Pushkin's understanding of history based on observations of Russian life and embodying the concept of progress could not confine to the processes occurring inside the noble world. The epic conclusion required a different level of consciousness representing the point of view of the democratic majority. The next step was the creation of *The Belkin Tales*.

Mastering W. Scott's experience proved an important step towards the creation of Pushkin's prose novel.

References

1. Akhmatova A. "Adol'f" *Konstana v tvorchestve Pushkina* [Adolphe by Constant in Pushkin's works]. In: *Pushkin. Vremennik pushkinskoy komissii* [Pushkin. Annals of the Pushkin Commission]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1936. Vol. 1, pp. 91–114.
2. Stepanov N.L. *Proza Pushkina* [Pushkin's prose]. Moscow, 1962.
3. Sidiyakov L.S. "Evgeniy Onegin" i nezavershennaya proza Pushkina 1828–1836 godov (*Kharaktery i situatsii*) ["Eugene Onegin" and Pushkin's unfinished prose of 1828–

1836 (The characters and situations)]. In: Maymin Ye.A. (ed.) *Problemy pushkinovedeniya* [The Problems of Pushkin Studies]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1975, pp. 30–33.

4. Vol'pert L.I. *Pushkin v roli Pushkina* [Pushkin in the role of Pushkin]. Moscow, 1998, Yazyki russkoy kul'tury Publ., pp. 203–320.

5. Levin Yu.D. *Prizhiznennaya slava Val'tera Skotta v Rossii* [Walter Scott's fame in Russia within his life]. In: Alekseev M. P. (ed.) *Epokha romantizma: Iz istorii mezhdunar. svyazey russkoy literatury* [The era of romanticism: the history of international relations of Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 29–67.

6. Zhilyakova E.M. *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo* [Traditions of sentimentalism in the early works by Dostoevsky]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1989, pp. 215–242.

7. Batyushkov F.D. Richardson, Pushkin i Lev Tolstoy (K evolyutsii semeynogo romana: ot "Klarissy Kharlou" k "Anne Kareninoy"). *Zhurnal Ministerstva narodnogo Prosveshcheniya*, 1917, pt. 71, pp. 1–17.

8. Scott W. The Collected Works. (Russ.ed.: Scott W. *Sobranie soch.*: v 20 t. Moscow, 1997–1999. Vol. 2).

9. Proskurnin B.M. *Politika i istoriya v romane Val'tera Skotta (k voprosu o dinamike kharakterov i obstoyatel'stv)* [Politics and history in the novel by Sir Walter Scott (on the dynamics of characters and circumstances)]. In: *Traditsii i vzaimodeystviya v zarubezhnoy literature XIX–XX vekov* [Traditions and interaction in foreign literature of the 19th–20th centuries]. Perm, Perm University Publ., 1990, pp. 27–39.

10. Grib V.R. (ed.) *Bal'zak ob iskusstve* [Balzac on Art]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1941. 528 p.

11. Lazareva T.G. "Bezumnyy" rytsar': psikhologiya srednevekovogo cheloveka v romanakh Val'tera Skotta ["Insane" knight: middle age man's psychology in Walter Scott's novels]. *Vestnik Permskogo Universiteta – Perm University Herald*, 2010, Issue 4(10), pp. C. 105–110.

12. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t.* [The Complete Works. In 17 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1937–1959.

13. Lotman Yu.M. Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiya pisatelya [Aleksandr Sergeevich Pushkin. The Biography]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1981.

14. Izmaylov N.V. *Ocherki tvorchestva Pushkina* [Sketches on Pushkin's creative works]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 206–209.

15. Arinshteyn L.M. *Znakomstvo Pushkina s "sestroy igroka des eaux de Roman"* [Pushkin meets the "sister of the gambler des eaux de Roman"]. In: *Vremennik pushkinskoy komissii* [Annals of the Pushkin Commission]. Leningrad, 1979, pp. 109–120.

16. Lezhnev A. Proza Pushkina [Pushkin's prose]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1937.

17. Yakubovich D.P. *Reminitsentsii iz Val'ter Skotta v "Povestyakh Belkina"* [Reminiscences from Sir Walter Scott in "The Tales of Belkin"]. In: *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Issue 37, pp. 100–118.

18. Yakubovich D.P. *Pushkin i Val'ter Skott*. Dok. diss. [Pushkin and Walter Scott. Doc. Diss.]. The Institute of Russian Literature (The Pushkin House). Fund 244, List 31, no. 73. Vol. 1, pp. 206–230.

19. Yakubovich D.P. *Predislovie k Povestiyam Belkina» i povestvovatel'nye priemy Val'tera Skotta* [Preface to the "Tales of Belkin" and narrative techniques of Walter Scott].

In: *Pushkin v mirovoy literature* [Pushkin in the world literature]. Leningrad, GIZ Publ., 1926, pp. 160–197.

20. Yakubovich D.P. “*Kapitanskaya dochka*” i romany *Val'tera Skotta* [“The Captain's Daughter” and the novels of Sir Walter Scott]. In: *Vremennik pushkinskoy komissii* [Annals of the Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad, 1939, no. 4–5, pp. 165–197.

21. Berkovskiy N.Ya. *Stat'i o literature* [Essays on literature]. Moscow; Leningrad, 1962, pp. 242–356.